

личности, вѣрѣ, интересахъ и правахъ слабыхъ, угнетаемыхъ сильными. Поэтому понятна неудача, постигшая профессиональных дипломатовъ при заключеніи мира 1774 года. Напротивъ, яснѣе представляешь себѣ значеніе обезпеченія въ международной жизни такого рода заботы именно полководцемъ, который сражался и побѣдилъ вмѣстѣ съ войскомъ, одушевленнымъ сознаниемъ національных задачъ Россіи.

Въ особенности нынѣ, послѣ міровой войны, съ ея мирными договорами, съ ея заявленіями о якобы новомъ международномъ правѣ, знаменательны отмѣченныя статьи. Онѣ защищаютъ исповѣданіе христіанскаго закона и почитаніе духовенства „съ должнымъ оному чину отличіемъ“, а также охраняютъ личность и имущество тѣхъ, кого вѣками угнетали турки, выступившіе въ 1768 г. на защиту конституціонныхъ свободъ Польши. Вниманіе къ словамъ отмѣченныхъ статей (артикуловъ) тѣмъ понятнѣе, что на всемъ протяженіи дальнѣйшаго времени слова эти стали дѣлами. А дѣла воплотились въ жизни тѣхъ, о комъ говорилось въ договорѣ 1774 года. Балканскіе славяне, румыны, греки должны помнить постановленія Кучукъ-Кайнарджійскаго договора, такъ какъ здѣсь исходный моментъ въ развитіи современной свободы балканскихъ государствъ.

Россія всегда ясно понимала, что при осуществленіи освободительной миссіи, она встрѣчаетъ недовѣріе и подозрѣнія. Но это не останавливало ея заботъ о христіанахъ, подвластныхъ туркамъ. Всѣ существенные моменты въ улучшеніи ихъ положенія, будучи связаны съ постепеннымъ переходомъ къ достигнутой нынѣ ихъ независимости, вызывали чрезвычайный подъемъ русскихъ силъ. Такой подъемъ былъ бы немыслимъ, не гори въ душѣ народной сознаніе освободительной миссіи. Что бы ни говорилось о завоевательныхъ вождѣлѣніяхъ правительства, русскій народъ, жертвуя жизнью своихъ сыновъ, своимъ достояніемъ, задерживая собственное развитіе, приносилъ на Балканскій полуостровъ святую любовь, которая и стала залогомъ успѣха въ дѣлѣ освобожденія. Какія бы ошибки то или иное русское правительство не совершило послѣ 1774 г.,—какое изъ другихъ правительствъ безъ грѣха?,—но Румынія, напримѣръ, не выросла бы въ свободное королевство, объединившее нынѣ всю румынскую націю, если бы Кучукъ-Кайнарджійскій договоръ не приобрѣлъ для повѣреннаго въ дѣлахъ „князей сихъ двухъ княжествъ“ (Молдавіи и Валахіи) право быть „благогласно трактованными и въ малости ихъ почитаемыми“ и если бы Россія не получила права говорить въ пользу сихъ двухъ Княжествъ“. Поступать такимъ